

V. Pisani. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino. — Torino, Rosenberg e Sellier, 1953, XVII, 354 стр., 2 карты и таблица алфавитов. («Manuale storico della lingua latina», vol. IV).

Хорошо известно, что до недавнего времени в научной литературе по языкам древней Италии (кроме латыни) не было книги, которая давала бы синтез современных знаний в данной области, и это несмотря на наличие многочисленных статей, монографий и учебных пособий, посвященных как частным вопросам, так и отдельным языкам: оскоко-умбрскому, этрусскому, венецкому и т. д. Поэтому новая книга профессора Миланского университета В. Пизани, которая заполняет отмеченный выше пробел, заслуживает всестороннего рассмотрения.

Книга В. Пизани состоит из девяти глав: гл. I — «Оскоко-умбрские диалекты» (стр. 1—216), гл. II — «Памятники пикенского языка» (стр. 217—221), гл. III — «Мессапский язык» (стр. 222—236), гл. IV — «Венецкий язык» (стр. 237—266), гл. V — «Лигурский язык» (стр. 267—279), гл. VI — «Сикульский язык» (стр. 280—289), гл. VII — «Этрусский язык» (стр. 290—302), гл. VIII — «Ретийский и другие мелкие языки Северной Италии» (стр. 303—315), гл. IX — «Фалисский и другие латинские диалекты» (стр. 316—334). Следовательно, В. Пизани рассмотрел все языки античной Италии, кроме латинского, которому он посвятил отдельную работу¹. Что же касается сиканского языка в Западной Сицилии, то о нем говорится в главе шестой, посвященной языку сикулов.

Характеризуя книгу в целом, следует отметить тщательный филологический отбор языковых памятников (по существующим изданиям), неуклонное стремление автора оперировать проверенными языковыми фактами, широкое привлечение сравнительных материалов из других древних индоевропейских языков: германских, кельтских, балто-славянских, иранских и т. д. Книга В. Пизани составлена очень продуманно: она содержит, с одной стороны, важнейшие тексты на древних языках Италии, с другой, использует много новых памятников, изданных за последние 25 лет (см., например, в книге №№ 3, 6, 16, 33, 35D, 43, 69, 87, 88, 111—115, 116, 117, 128 и др.).

Весьма существенны в исследовании В. Пизани также новые чтения и интерпретации ранее опубликованных памятников. В отношении филологической интерпретации языковых текстов, которая, как известно, является необходимым предварительным условием их лингвистического осмысления, наиболее уязвимым в рецензируемой работе оказался раздел, посвященный венецкому языку, и то по причинам, мало зависящим от автора. Мы имеем в виду непрерывное пополнение количества венецких надписей вследствие новых находок² и пересмотр всех известных памятников венецкого языка, предпринятый в связи с этим проф. Лежён³.

Стремление автора оперировать надежным фактическим материалом сказалось и на архитектонике книги: каждый раздел ее построен таким образом, что сперва приводятся языковые тексты с лингвистическим комментарием, а уже на основе этого дается характеристика фонетико-морфологического строя и лексики разбираемого языка. Путным автором затрагиваются вопросы, связанные с определением родственных связей изучаемых языков, хотя не всегда это сделано достаточно подробно (см. ниже).

В. Пизани привлекает для сравнения данные всех древних индоевропейских языков, что выгодно отличает его пособие от других руководств по итальянским языкам, в которых упор обычно делается на языковые факты, объяснимые на основе близко родственных языков и диалектов (латинский, фалисский)⁴. Это неоспоримая заслуга автора, являющегося видным специалистом по истории индоевропейских языков.

Как уже упоминалось, рецензируемая книга снабжена таблицей итальянских алфавитов и двумя лингвистическими картами, на которых указаны территориальное рас-

¹ Cp.: V. P i s a n i, *Manuale storico della lingua latina*: II — *Grammatica latina storica e comparativa*, 2 ed., Torino, 1952, XIV, 308 стр.; III — *Testi latini arcaici e volgari*, Torino, 1950, XVI, 196 стр.

² См.: G. B. P e l l e g r i n i, *Iscrizioni paleovenete da Lâgole*, «Rendiconti dell'Accad. naz. dei Lincei», Serie VIII, vol. VIII, 1953, стр. 343 и сл.; e г о ж е, *Noterele venetiche*, «Studi Etruschi», t. XXIII, 1954; E. V e t t e r, *Die neuen venetischen Inschriften von Lâgole*, «Carinthia», I (Jg. 143), Hf. 3—4, 1953.

³ М. Лежён подготовляет «корпус» венецких надписей. К перечню его статей по венецкому языку и эпиграфике (см.: M. Lejeune, «Latomus», t. XII, 1953, стр. 386—387; см. также «Revue belge de philologie et d'histoire», t. XXXIII, № 2, 1955, стр. 364) следует добавить две работы: M. L e j e u n e, *Les épingles votives inscrites du sanctuaire d'Este*, «Revue des études anciennes», t. LVI, № 1—2, 1954; e г о ж е, *Les urnes cinéraires inscrites de Montebelluna et de Covolo au Musée de Trévise*, «Rendiconti dell'Accad. naz. dei Lincei», Serie VIII, vol. IX, 1954.

⁴ В этом плане достаточно сравнить рецензируемое пособие с новым руководством Э. Феттера по оскоко-умбрскому языку (E. V e t t e r, *Handbuch der Italischen Dialekte*, t. I, Heidelberg, 1953).

пространение отдельных языков и места находок надписей. Напомним географическое распределение языков античной Италии. Северная Италия: лигурийский, галльский, ретийский, венетский; Центральная Италия: пикенский, умбрский, этрусский, фалисский, латинский; часть Центральной и вся Южная Италия: так называемые сабелльские диалекты (пелигнийский, маррукинский, вестинский, волскский, марсийский, сабинский) и оскский; Калабрия — мессапский язык; Восточная Сицилия — сикульский. Назовем также важнейшие места, где были обнаружены памятники на языках Северной Италии: район Бриона — Орнавасо — Джубиаско — Чернуско (лигурийский), район Верона — Магре — Больцано — Терлаво (ретийский), район Эсте — Беллуно — Калальдо — Гурина — Идриа (венетский). Из языков Центральной и Южной Италии требует пояснения только пикенский, локализуемый в районе Пезаро-Новилара.

Генеалогически языки древней Италии делятся на неиндоевропейские (по терминологии итальянских лингвистов, «средиземноморские») и индоевропейские.

Начнем с первых. К ним относятся этрусский и близкий к нему ретийский, пикенский и сиканский (Западной Сицилии). О близости этрусского и ретийского, в частности, свидетельствует фонетическая структура этих языков, для которой характерно отсутствие гласного *o* (заимствованные слова с *o* передаются через *u*, например: этрусск. *puṛluna* — лат. *Populonia*) и звонких смычных (глухие смычные транскрибируются: *c, t, p* — *χ, φ, φ*), колебание щелевых (*s* — *z, f* — *h*)¹. В области морфологии наблюдается сходство между притяжательными суффиксами (окончаниями *genitiv'a*): ретийск. — (*a*) *le* в *ritale, estuale* (Пизани, № 134), *lasanuale* (№ 136), *-eli* в *laviseseli* (№ 137)² и этрусск. (*a*), *l-la* в *Unial* «Junonis», *Ale-s-la* «fili Auli» (так называемый «genitivus genitivi»).

К ретийскому В. Пизани относит надписи из Валь-Камоника, в которых пытались видеть язык «эвганеев», родственный латино-фалисскому (стр. 313)³. Заметим, что надписи эти состоят главным образом из изолированных слов (*zelaz, alalaz, zemo-laz, enotinaz* и т. д.) и не дают возможности судить о родственных связях языка, на котором они написаны.

Общая характеристика морфологии и лексики этрусского языка, которую дает автор (стр. 295—299), весьма полезна в том смысле, что подчеркивает агглютинирующий характер словоизменения (например, *Uni* «Juno», *Unial* «Junonis», *Unialti* «In Junonis») и неиндоевропейский характер основного словарного фонда этого языка: *am* «быть», *ar* «делать», *sec, sex* «дочь», *maχ* «один» (ср. индоевропейский корень **dhē-* и формы **dhughatēr*, **oi-nos*)⁴.

О пикенском (точнее северопикенском) языке трудно что-нибудь заключить, так как биллинг из Пезаро незначителен по объему. Вероятно, перед нами неиндоевропейский язык. Слово *frontas* с характерным для этрусского языка суффиксом *aχ*, например *rumaχ* «Romanus», встречается в оскской надписи (Пизани, № 38) в форме *frunter* «fulgurator». Возможно, что оно — догреческого («средиземноморского») происхождения. Ср. греч. βροντή «гром, молния».

Язык сиканов В. Пизани специально не касается. Напомним, что сиканов относят к иберо-ливийцам. Поскольку среди так называемых «сикульских» глосс имеются такие, которые носят явно неиндоевропейский характер, например *akrosila* «мирта», *kivados* «лиса» и др., вероятнее всего, что перед нами сиканское языковое наследие.

Среди индоевропейских языков Италии встречаем кельтские, иллирийские и итальянские наречия. К кельтским языковым памятникам, кроме текстов на галльском языке (Пизани, №№ 141 и 142), относятся лигурские или лепонтийские надписи⁵. Такие фонетические черты, как переход и.-е. **o* > *a* (в серединном слове), переход и.-е.

¹ *s* — *z* и *f* — *h* чередуются в этрусских начертаниях.

² Значение этих слов неизвестно. В. Пизани предлагает в основе *rita-* видеть название богини *Reitia* (стр. 304).

³ Fr. Altheim, *Geschichte der lateinischen Sprache von den Anfängen bis zum Beginn der Literatur*, Frankfurt a/M., 1951, стр. 92 и сл. См. также В. И. Надаль, Проблема языка и населения доримской Италии, ВДИ, 1957, № 1, стр. 158—159.

⁴ Попытка акад. В. Георгиева вскрыть индоевропейский характер этрусского *sec, sex* (В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4) не является убедительной, так как при этом постулируются столь сложные фонетические переходы, что уже априори они кажутся маловероятными. Согласно В. Георгиеву, этрусск. *sec, sex* через **seχr*, **seδr*, **tuāth(e)r*, **dughatēr* восходит к и.-е. **dhughatēr*, где имело место: 1) отпадение конечного *r*; 2) переход *δr* > *χr*; 3) изменение *tu* > *s*; 4) умлаут *a* > *ā*; 5) передвижение согласных *d* > *t* и 6) диссимилиация придыхательных *dh* > *d*.

⁵ Под лигурским понимают иногда местный неиндоевропейский язык, свидетельствующий о каких-то связях с ретийским и отличный от кельто-лепонтийского. В. Пизани делает попытку выделить в лигурском индоевропейские и доиндоевропейские элементы (стр. 277—279).

* $\bar{o} > u$ (в конечном слоге) и взоглосса $q^u - p$, встречаются в кельтских языках. Ср. имя собственное *latumaro* — др.-ирл. *mar* «большой» по сравнению с греч. $\mu\alpha\rho\sigma$ в $\delta\eta\mu\alpha\sigma$ - $\mu\alpha\rho\sigma$ («сражающийся» копьем) (буквально «большим копьем») и союз *pe* из и.-е. **que* (Пизани, № 124). Аналогичные явления находим в кельтских языках, например ирл. *dán* — лат. *dōnum* «дар»; ирл. *cú* из и.-е. **k'udō* «собака» (ср. др.-инд. *śvā*); валлийск. *pedwar*, корнуэльск. *pesuar*, бретонск. *pevar* — лат. *quattuor* «четыре» (ирл. *ceithir*).

К иллирийским языкам причисляют мессапский. Необходимо заметить, что, несмотря на наличие свыше двухсот надписей, язык этот истолкован чрезвычайно плохо¹. Индоевропейский характер его не бросается в глаза, как, например, у венецкого языка². Все же наиболее вероятно его принадлежность к иллиро-фракийским языкам, что доказывается главным образом данными ономастики, топонимики и античной традиции³. Ср.: и.-е. **ai* — мессапск. *ai*, *a* (топоним *Baŕsta* — *basta*), алб. *a* из *ai* (например, *ar* «золото» — лат. *aurum*); и.-е. **g'h* — мессапск. *z* — *s* [$\alpha\zeta\omicron\upsilon\nu$ «я» из **eg'* (*h*) $\bar{o}n-e$, алб. *une*; селтск. «золото» из **g'helto* — фракийск. $\zeta\eta\lambda\tau\alpha$].

Думается также, что палатализацию в мессапском мы должны рассматривать как признак его принадлежности к диалектам «*satom*», а не как вторичное явление в группе «*centum*» по аналогии с умбрскими или романскими языками⁴.

Что же касается венецкого языка, то, несмотря на наличие фонетических черт, роднящих его с итальянскими языками (например, и.-е. **dh* — венецк. *zh* и лат. *f* в начале слова; венецк. *ph*, *z* и лат. *b*, *d* в середине слова), приходится считать его отдельной ветвью индоевропейских наречий. Весьма интересны связи венецкого с германскими (ср. венецк. *mezo* — гот. *mik* «меня», венецк. *sselboisselboi* «мне самому» — др.-в.-нем. *der selb selbo*) и кельтскими языками. Сюда отнесся переход *eu* — *ou*, окончание род. падежа ед. числа на *-i* и др.

О независимом развитии венецкого языка в эпоху итальянской языковой общности свидетельствуют такие, например, факты: окончание дат. падежа мн. числа основ на *-o* *ofos* (например, *louzerofos*) — итал. **-ois* (лат. *-īs*: *Liberis*) — кельтск. **othis* (др.-ирл. *ferib* «мужам»); окончание 3-го лица ед. числа среднего залога *-to* (*zoto*, *zonasto* — родств. греч. $\acute{\epsilon}\delta\omicron\tau\omicron$, лат. *dōnāvīt*), наряду с изолированной формой на *r* (*tolar* — лат. *obtulit* по типу оскск. *ferar*, ирл. *canar*⁵).

В отношении языка сикулов трудно согласиться с выводом автора о том, что установившееся в науке мнение о близком родстве сикульского и латинского языков является необоснованным⁶. Вывод В. Пизани, базирующийся, кстати, почти исключительно на лексических сопоставлениях, неправилен. Автор не учитывает в достаточной степени и данные топонимики (например, *Enna*, *Anca*, *Norba*, которые встречаются не только в Сицилии, но и в Южной и даже Центральной Италии и свидетельствуют о «прото-латино-сикульских связях»).

Наконец, отметим, что автор не останавливается специально и на дебатировавшемся вопросе о том, входит ли оскско-умбрский в состав итальянской ветви индоевропейских языков. Как известно, некоторые ученые (Дж. Девото и др.) пытаются обосновать тезис об отсутствии близкого родства между латино-фалискскими и оскско-умбрскими языками и считают их независимыми ветвями индоевропейских языков. К данной точке зрения примыкает и В. Пизани. Однако взгляды эти не получили признания в науке⁷.

¹ Новый опыт чтения мессапских надписей предпринят О. Хаасом, который видит в слове *derandōa* (*darandōa*) не название города (ср. греч. $\tau\alpha\rho\alpha\varsigma$, $\tau\alpha\rho\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ — лат. *Tarentum*), а и.-е. **g'erontijā* «совет старейшин» (ср. греч. $\gamma\epsilon\rho\upsilon\sigma\iota\alpha$) и на этом основании строит свою дешифровку (см. О. Хаас, *Die vier längeren messapischen Inschriften*, «Lingua Posnaniensis», IV, 1953, стр. 64 и сл.).

² Утверждение А. А. Реформатского, что «вопрос о принадлежности к индоевропейским языкам венецкого, мессинского (в Италии)... еще не решен наукой...», — недоразумение по отношению к венецкому языку (см. ниже). Что же касается мессинского языка, то такой вообще неизвестен науке. Может быть, имеется в виду мессапский? (см. А. А. Реформатский, *Введение в языковедение*, М., 1955, стр. 327).

³ Ср. И. М. Тронский, *Очерки из истории латинского языка*, М.—Л., 1953, стр. 57—58.

⁴ Последней точки зрения придерживаются О. Хаас (см. О. Хаас, указ. статья, стр. 80, 84), Х. Крае (см. H. Krahe, *Das Venetische, seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen*, Heidelberg, 1950, стр. 13 и 31, прим. 75) и Д. Дечев, (см. Д. Дечев, *Характеристика на тракийския език*, София, 1952, стр. 53, прим. 2 и стр. 114, прим. 3).

⁵ J. S a f a r e w i c z, *Stosunk pokrewieństwa języka wenetyjskiego*, «Sprawozdania Pol. Akad. Um.», t. LII, № 6, 1951, стр. 408.

⁶ Ср. Б. И. Н а д э л ь, указ. обзор, стр. 158.

⁷ См.: M. L e j e u n e, *La position du latin sur la domaine indo-européen*, «Revue des études latines», 1943, стр. 7 и сл.; И. М. Т р о н с к и й, указ. соч., стр. 49 и 79.

*

Мы пытались кратко охарактеризовать книгу В. Пизани и дать читателю представление о богатстве ее содержания. Не вдаваясь в критические подробности¹, в заключение необходимо подчеркнуть, что книга В. Пизани представляет собой ценное пособие, отражающее достижения современной науки в области изучения античных языков Италии и как таковое может служить с пользой не только для учебных надобностей (о больших методических и дидактических достоинствах книги уже упоминалось выше), но и для научных целей. Автор приводит в каждой главе подробные и новейшие библиографические данные. В связи с этим мы считаем, что желательно обеспечить издание этой книги на русском языке.

Б. И. Наваль

Frieda N. Politzer and Robert L. Politzer. Romance trends in 7th and 8th century Latin documents.— Chapel Hill, 1953. 68 стр. («Studies in the Romance languages and literatures [of North Carolina Univ.], № 21).

Судьба «протороманизмов» в позднелатинских памятниках — вопрос не новый. Этой проблеме уже с конца XIX в. посвящены специальные исследования Г. Шухардта, Ж. Парсона, П. Скока, Э. Рихтер и др. Последние тридцать лет проблема «протороманизмов» находится в центре внимания американских романистов (школа Г. Ф. Меллера). В своем анализе американские романисты исходили обычно из статистической обработки ошибок авторов и переписчиков позднелатинских документов. Однако лингвостатистика применялась здесь слишком прямолинейно, без языковедческих поправок и без одновременного использования других приемов анализа. Это приводило исследователей (особенно М. Пея и Л. Саса) к неточным и даже ошибочным выводам².

Ценность рецензируемой работы заключается в комбинированном использовании ее авторами лингвистической статистики, лингвистической географии и структурального анализа, что дает возможность, как мы увидим дальше, получить в целом положительные результаты и делает работу интересной для широкого круга языковедов.

Исследование Ф. Н. и Р. Л. Полицеров состоит из трех частей. В первой (стр. 1—35) рассматриваются диалектные черты в латинских документах Италии VIII в. Во второй (стр. 36—43) — изучаются диалектные явления в протороманской речи Галлии. В третьей (стр. 44—50) — дается сопоставление данных первых двух частей и выводы.

Такое построение работы подсказано современной проблематикой и уровнем лингвистических сведений о протороманской эпохе. Во-первых, галло- и апенинно-романская зоны всегда являлись центрами инноваций. Во-вторых, можно считать установленным, что в VIII в. уже имела диалектная дифференциация между романской речью южной Галлии и северной Италии³. Проблеме географической дифференциации и посвящена первая часть рецензируемого исследования. Автор (Ф. Н. Полицер) рассматривает здесь средневековые латинские документы, происходящие из различных пунктов Италии.

Она подвергает статистической обработке ошибки составителей и переписчиков, которые отражают следующие фонетические и морфонетические процессы: изменение качества конечных гласных *ē, ī, ū*, озвончение интервокальных взрывных, упрощение геминат и геминация простых согласных, падение конечного *t* и *s* (дается среднее количество отклонений против латинских классических норм на 100 строк текста). Кроме того, приводится морфологическая классификация падения конечного *s* в парадигме склонения, а также изменения в некоторых падежных окончаниях (в процентном отношении к общему числу соответствующих форм).

Результаты подсчетов, взятые в целом (ср. стр. 33), показывают, что, с одной стороны, изменение конечных гласных и озвончение интервокальных согласных характерно для языка тех документов, которые происходят из городов, расположенных к северу от Р. По. С другой стороны, падение конечных *t* и *s* и связанные с ним морфологические явления чаще встречаются в языке документов центральной Италии.

¹ Так, например, мы не касались вопроса о том, что В. Пизани стоит на точке зрения «смешанного» характера этрусского языка (стр. 311 и др.), явно отождествляя этническое и языковое смешение. Отдельные ценные критические замечания в адрес книги В. Пизани, хотя и частного порядка, см. в рецензиях: P. M e r i g g i, «Athenaeum», vol. XLI, Serie XXXI, 1953, стр. 349—352; G. R e d a r d, «Revue belge de philologie et d'histoire», t. XXXIII, 1953, стр. 361—366 и особенно в обстоятельном отзыве проф. Я. Сафаревича («Eos», roczn. XLVI, zesz. 2, 1955, стр. 237—247).

² Ср. об этом H. M e i e r, Über das Verhältnis der romanischen Sprachen zum Lateinischen, «Rom. Forsch.», Bd. 54, Hf. 2, 1940.

³ Ср. R. L. P o l i t z e r, A study of the language of eighth century Lombardic documents, New York, 1949.